

Кормил я как-то не себя, а Бога

Сергей Орехов (Панкратиус)

Кормил я как-то не себя, а Бога.
Не в храме — а обычным, тихим днём.
Лежали хлеб, и соль, и света много
в простом мгновенье, ставшем алтарём.

И вдруг открылось: ест не только тело.
Не только рот вкушает этот мир.
Всё Сущее сквозь человека смело
глядит на плод, на хлеб, на тёплый сыр...

Бог — один. Но, чтобы стать касаньем,
войти во вкус, в дыханье, в жар и хруст,
Он стал тобой, Он стал моим вниманьем,
Он в человека вложен, как в сосуд.

Не для того, чтоб прятаться за нами,
не для того, чтоб нами обладать, —
а чтобы листья трогать пальцами, губами,
и в капле мёда вечность узнавать.

Он смотрит нами. Слушает. Вкушает.
Сквозь нас Себя находит вновь и вновь.
И человек не просто отражает —
он Богу дарит опыт, плоть и кровь.

Но люди даже за столом, за хлебом,
где жизнь могла бы стать почти святой,
наполнены чужим, шумящим небом,
чужою мыслью, лентой новостной.

Они жуют и тут же потребляют
не пищу только — образы и дым.
И жизни вкус на части разделяют,
не дав ему стать целостно живым.

И в этот миг как будто отнимают
у Бога мир, пришедший через рот:

не хлеб едят — а сводку дочитают,
не пьют вино — а чей-то мёртвый код.

А ведь в преломе хлеба — тайна встречи.
А ведь в вине — не символ, а ответ:
что Бог не где-то вне, не бесконечно
отложен в мысль, в доктрину, в силуэт.

Он здесь — во вкусе тёплого куска,
в густом вине, коснувшемся гортани,
в том, как рука берёт издалека
и возвращает мир к его сиянью...

Когда ты ешь — не торопи мгновенье.
Не заглушай его чужой строкой.
Дай Богу в тебе вкусить Своё творенье,
побыть не мыслью — ягодой, мукой.

Пусть хлеб ломается, как день в ладонях.
Пусть льётся свет в обычное питьё.
И Бог, единый, в каждом микротоне
узнает мир, вкушая бытиё.

Тогда еда становится не пищей,
а формой узнавания Себя.
И человек уже не просто ищет —
он Богом зрим, и Богом ест, любя.

И в этом — смысл каждого касанья,
не только хлеба, чаши и стола:
Бог входит в мир не громом мироздания,
а тем, как вишня в августе спела.

Он узнаёт Себя не с высоты лишь,
не только в бездне звёзд и тишине, —
а в том, как ты над чашкой тихо дышишь,
как соль хрустит на свежем ломте дня.

Он не от голода пришёл в творенье,
не от нужды в плодах или вине.
Он захотел не знания — горенья,
не схемы мира — мира в глубине.

И потому стал взглядом, слухом, кожей,
стал языком, который чует мёд,
стал человеком, чтобы быть, о Боже,
не Тем, Кто знает, — Тем, Кто узнаёт.

Но человек, забыв о тайне вкуса,
спешит заполнить каждую из щелей:
пока жуёт — в себя вмещает мусор
чужих речей, страстей и скоростей.

Ему страшна простая полнота,
где можно быть без ленты и экрана,
где хлеб есть хлеб, вода есть чистота,
а тишина не кажется изъёном.

И вот за пищей — новая подмена:
не стол, а свалка сведений и фраз.
Как будто жизнь не стоит быть нетленной,
пока не будет кем-то названа.

Как будто мало Богу было мира,
и надо сверху шумом досолить,
как будто вкус, рождённый в недрах пира,
не может без комментария прожить.

Но вкус не любит суеты и шума.
Вкус — это вход в безмолвное «сейчас»,
где Бог в тебе не мыслит, не раздумал,
а просто ЕСТЬ, и пробует сквозь нас.

И если ты, хотя б на миг, без фона
возьмёшь в ладони хлеб, как первый плод,

ты вдруг поймёшь: не ты один накормлен —
Сам Бог в тебе от мира ест и пьёт.

И в этом нет ни гордости, ни роли,
ни избранных, ни внешней высоты.
Есть только жизнь, пришедшая до боли
в простое чудо хлеба и воды.

Есть только Бог, один во всём и всюду,
но ставший множеством касающихся рук,
чтоб через нас войти в Свое же чудо,
в Свое творенье, в цвет, в любовь, в испуг.

Чтоб через нас смотреть на снег и пламя,
чтоб через нас обнять, испить, вдохнуть,
чтоб через нас, не названный словами,
в Себе Самом продолжить этот путь.

И потому так важно быть живыми
не в мыслях лишь, не в знаниях о Нём,
а здесь, где хлеб ещё зовётся хлебом
и где вино не стало только сном.

Здесь человек — не раб и не ошибка,
не пыль, случайно взятая на срок.
Он — та живая Божия попытка
войти во вкус всего, что создал Бог.

Он — способ Бога тронуть мир губами.
Он — способ мира Богу стать родным.
И если мы хоть миг побудем с нами,
то, может быть, и Бог побудет с Ним.

И, может быть, за самой тихой трапезой,
где нет речей, где только свет и хлеб,
Господь Себя узнает не по образу,
а по тому, как человек ослеп

от простоты, от полноты, от чуда,
от той любви, что в крошке бытия
вдруг говорит безмолвно и повсюду:
Я ем, Я пью, Я здесь, Я ЕСТЬ, и это Я.

Сергей Орехов (Панкратиус) · pancratius.ru
CC0 1.0 Universal — public domain
No rights reserved. Copy, translate, distribute, perform, build upon.